

Глава XXVIII

Читателя препровождают в Билликинскую Гавань, в которой он встречает старого знакомого

Течение обыденной жизни среди Билликинских владений продолжается почти так же, как и в тот день, в который мы оставили их. Ничто не прерывает мрачного однообразия, на которое так горько жаловалась самой себе маленькая Роза с первых дней прибытия своего. «Угловатый» Мистер Грейджиус посещает их с деревянной точностью заведенного автомата и временами уводит питомицу к себе. Все эти визиты по направлению к таинственному памятнику *П.Ж.Т.* влекут за собой непременно последствием посещения Высот Волшебной Страны Душистого Горошка¹. И эти посещения служат единственным развлечением бедной Розы. Но, несмотря на частые свидания с черноокой соседкой Адмиральской Каюты и на угловатые попытки достойного старого опекуна развлечь свою питомицу, она делается с каждым днём бледнее и прозрачнее, так что, несмотря на всю свою угловатость, Мистер Грейджиус, видимо, начинает беспокоиться, не зная, что и делать, чтобы развеселить её.

Билликинский Фрегат не изменил своей крейсеровки в водах Туинкельтонского² Брига, которым он приходит в ежедневное столкновение; но когда, гордо выкинув Билликинский национальный флаг, он вызывает неприятеля на кровопролитное сражение, Бриг с презрением отвергает вызов и, распустив паруса, удаляется.

Поэтому Билликин, горя желаньем померяться силами с ненавистной ей Туинкельтон, так неустанно усердна во внимании своём к маленькой Розе, не упуская ни малейшего случая ловким образом дать понять последней, как достоин³ сожаленья тот печальный факт, что ее надзирательница не обладает тем глубоким знаньем света и людей, каким обладает им она – Билликин.

«Может вы предполагаете, Мисс, – говорит она ей иногда, косясь на невозмутимо сидящую за работой Мисс Туинкельтон, – или имеете какое сумленье⁴ на счет того, во что, пожалуй, и остальной люд верит, что, примером сказать, *пансион*⁵ для благородных девиц и в самом деле хорошее дело? Или что, может, *Пансионская Мадама* невесть чего стоит, тогда как выходит одно только взаправду, а именно то, что Мадама эта только и знает, что тянуть денежки с вас да высасывать всю кровь по капельке из родительских карманов? Но *меня* нельзя так обмануть. Я не стану верить в это, так как знаю, что всё это дудки. Есть вещи, которые без сумленья следует знать молодому народу, но есть и такие, что не следует; и так я без обмана скажу вам, Мисс, что такие *Игоды Скарриотские*⁶ нашего пола – опасная компания для молодой барышни на пути ее *жизни*⁷».

Бедная Роза слушает всё это и постоянно молчит, зная наперед, что открыто взять сторону Мисс Туинкельтон значит навлечь на себя также целую бурю ненависти, а делу не помочь.

Продолжая придерживаться прежней тактики своей, которая, по ее понятиям, служит таким сильным выраженьем презренья ее к недостойной Мисс Туинкельтон, воинственная Билликин постоянно обращается к одной Розе, как будто почтенная ее надзирательница есть не более как набитое чучело человеческой фигуры; открывая ежедневно в архивах памяти своей самые разнообразные и любопытные истории касательно несчастных *жертв*, потерявших здоровье и все

---

¹ «The country on the summit of the magic beanstalk» (англ. «страна на вершине волшебного бобового стебля») – «счастливая страна за облаками, в которую можно взобраться по стеблю волшебного боба» (Диккенс Ч. Тайна Эдвина Друда / пер. О.Холмской // Собрание сочинений в 30 т. Т. 27. – М.: Государственное издательство «Художественной литературы», 1962. С. 541).

Речь идет об английской народной сказке «Джек и бобовый стебель», в которой Джек взбирается по стеблю боба, выросшего до самого неба, в сказочную страну, где переживает различные приключения.

² Мисс Твинклтон (англ. Twinkleton).

³ Далее зачеркнуто: *был*.

⁴ сомненье (*прост.*).

⁵ пансион (*искаж.*).

⁶ Иуда (*др.-евр.* Иегуда) Искариот – в христианстве один из двенадцати апостолов, учеников Иисуса Христа, которого он предал, выдав первосвященникам за 30 сребреников.

⁷ *жизни* (*прост.*).

жизненные силы свои в одной из этих омерзительных Частных Гимназий для девиц, она обыкновенно заключает свое трогательное повествование следующей фразой:

«Не скрою от вас, Мисс, как и не стану напрасно обманывать либо пугать⁸, что эти Частные Гимназии просто-напросто тюрьмы, и добавлю, *душегубные* тюрьмы, пусть другие прочие называют их, как они себе хотят. Но эти другие прочие, как всем известные антересаны⁹ и живодёры, не могут считаться за что-либо добропорядочное. Может, *они* и думают заглушить мой голос тем, что сидят стиснув губы в комочек, но я презирала бы себя, когда бы согласилась отпереться от своих слов, – так вон оно что!?!»

И пустив этот залп картечью, ожидает ответа с Туинкельтонского Брига.

Бриг распускает паруса и отвечает Розе:

«Роза, моя милая, может быть, было бы не лишним намекнуть некоторым особам, что хотя замечанья их не всегда выражены правильным языком и мало чего содержат в себе поучительного, но что зато они в высшей степени забавны своей глупостью. К сожалению, они не довольно разнообразны для того, чтоб терять на них по несколько часов в день, тогда как часы эти могли бы быть употреблены с видимой пользой, например, для интересного и назидательного чтения или же опять в тихой беседе с собственными созерцательными способностями, беседе, столь горячо рекомендованной нам древними философами».

После чего Туинкельтонской Бриг подымает якорь презрения и величественно удаляется в тихую гавань собственных мечтаний, предоставляя молниеносному Фрегату ретироваться или следовать за ним – по усмотренью. Поносное¹⁰ обращение тыла к неприятелю не входит в число тактических распоряжений Билликинской Эскадры, Фрегат снова открывает беглый огонь, замечая в приливе сердечной искренности, что «может, известные прочие особы и воображают себе, что легко запугают всякого своими заморскими словами из басурманской азбуки, но что она не скроет того, что сызмала еще презирала попугаев о двух руках, которые целый век свой живут чужим умом», – и, пустив этой последней бомбой в виде прощального салюта, Фрегат уплывает в свою очередь.

В одно прекрасное утро, несколько дней спустя свидания Джаспера с Фопперти, перестрелка двух дам начала принимать пропорции регулярной морской битвы; несчастная Роза более обыкновенного бросала беспомощные взгляды вокруг себя, как бы серьёзно искав удобного местечка, чтобы спрятать в него свою маленькую фигурку и тем избавиться от серьёзной опасности. Судьба помогает ей неожиданным образом в виде сильно замаранной служанки броненосной Мистрисс Билликин. После тщетного стуханья в двери, никем не замеченная в пыли сражения, всунув свою запачканную сажей физиогномию¹¹ и мгновенно распространив в атмосфере приятный кухонный запах, служанка эта объявляет, что «барыню» её ожидает в приёмной какой-то «чужой господин».

Не успела дверь затвориться за Мистрисс Билликин, как эта дама с тем изумительным свойством «мгновенно изменять свой вид», которое принадлежит в природе одним хамелеонам да прекрасному полу, в полсекунды времени совершенно оправившись от следов недавней стычки, входит в приемную, покашливая и крепко прижав правую руку к болезненной груди, как бы давая этим понять самым искренним образом, что «дни ее сочтены».

Посетитель этот оказывается джентльменом, желающим нанять в доме комнату, как привязанный под дверной молоток билет, откровенно объявляющий о сём проходящим, и даёт ему право. После продолжительных рассказов со стороны Мистрисс Билликин с целью добросовестно познакомить будущего постояльца со всеми неудобствами своих пустых комнат, коей суровый долг эта почтенная лэди никогда не забывает выполнить, комната, наконец, показана и оказывается подходящей ко вкусу постояльца. Так как теперь остается лишь вопрос о плате и о необходимых поручительствах, то хозяйка и приступает немедленно к этой деликатной обязанности с таким видом неудержимой откровенности, которая тронула бы всякого другого. Но

---

⁸ пугать (*прост.*).

⁹ антересаны (*фр. intéressé*) – корыстные люди.

¹⁰ позорное (*устар.*).

¹¹ физиономию (*устар.*).

собеседник ее остается угрюм и суров по-прежнему;¹² взглянув на эту деликатную женщину с таким выражением, которое оказалось бы понятнее в нём, если бы он был котом, а она (Мистрисс Билликин) наступила бы ему на хвост, он закатывает глаза самым непонятным для этой лэди образом и объявляет, что готов заплатить за целый месяц вперед, но что о поручительстве не может быть и речи, так как он приезжий из отдалённой части Англии и никого не знает в Лондоне. С раздражающим душу кашлем Мистрисс Билликин соглашается.

И так, около часа пополудни наёмный кэб подкатывает к Билликинскому подъезду,¹³ из него вылезает Мистер Фопперти Педлар, неся за собой небольшой чемодан, в обществе коего он немедленно поселяется на своей новой квартире.

«Чистая новая *одежда* да несколько золотых, которые побрякивают у тебя в кармане, ой, ой, ой, как помогают человеку по дороге его! – так мысленно рассуждал Мистер Фопперти, устраиваясь у себя. – Ну, а теперь, старина, – продолжал он, – давай-ка уснём маненько, чего доброго придётся всю ночь просидеть».

Оставив этого джентльмена в приятном сне, обратим вниманье на прочие действующие лица нашего рассказа.

Почти в одно время с отъезжающим кэбом явился Мистер Грейджиус с целью увести Розу с собою, не говоря ей куда, ради сюрприза, как думал этот достойный джентльмен; но хотя Роза хорошо понимает, что дело идёт о новом посещении Страны Волшебного Душистого Горошка и Очарованной Адмиральской Каюты, бледное грустное личико не делается веселей от этого ожидания.

Все эти путешествия совершались с величайшей осторожностью и под большим секретом со стороны Мист[ера] Грейджиуса, который, сопровождая её обыкновенно лично сам, всё еще боялся, как бы она не встретилась с Джаспером и не вышло какой неприятности со стороны этой Музыкальной Персоны.

Добрый, достойный человек! Много лет носил ты в честном сердце своём образ, давно исчезнувший с лица земли, но столь же цветущий и прекрасный в твоих воспоминаниях, как и в тот день, когда ты с безмолвным благоговением смотрел на него издали, не смея подойти и не предчувствуя даже роковую судьбу его. Не мудрено, что, найдя теперь в дочери живое изображение того, что так любил ты в матери ее, привязался ты к этому ребёнку столь нежно, что тебе чудится, будто вновь переживаешь ты дни молчаливого счастья молодых лет твоих! Так будь же навеки благословлено Имя Того, Кто создал в глубоких тайниках сердца человеческого подобные, долго переживающие самую смерть привязанности; ярко горящие, никогда не потухающие, они переходят с душою, лелеявшую их всё время земной жизни своей, в другую, загробную жизнь, где сбываются лучшие, торжественнейшие надежды этой души и где Любовь, чистая и бесплотная, уже не земная химера, не насмешка более, но прямо переходит в один из бесчисленных лучей Его Живой и Всемирной Любви! Кто возьмет на себя право сказать, что привязанность, подобная той, которая тихо горела в сердце этого старика, не есть прямое доказательство в подтверждение этой Божественной Истины?

Быть может, мысли Мистера Грейджиуса были заняты решением чего-либо подобного,¹⁴ когда маленькая Роза тихо вошла в комнату и объявила, что готова и одета, но «Угловатый» не заметил даже ее присутствия и очнулся лишь в ту минуту, как питомица его, высоко поднявшись на самые кончики своих маленьких ножек, крикнула ему прямо в ухо:

«Готова!»

Не прошло пяти минут еще, как они сошли с крыльца Билликинских владений, направляясь к Стэпл-Инну, когда Грейджиус заметил дряхлую старуху, идущую им навстречу. Поравнявшись с ними, такой сильный кашель начинает душить её, что можно легко предположить, что она мгновенно отдаст душу свою во время одного из подобных пароксизмов.

Но не успели они сделать и двух шагов, как кашель исчезает, и, подходя к Мистеру Грейджиусу, она протягивает к нему руку и говорит:

---

¹² Далее зачеркнуто: *и*.

¹³ Далее зачеркнуто: *и*.

¹⁴ Далее зачеркнуто: *но*.

«Благослови вас Бог, мой добрый джентльмен, не дадите ли вы милостиво шиллинга бедной старухе, которой приписали лекарство, но которой не на что всё-таки купить его?»

«Кто вы такая, моя милая, и где живете?.. – отрывисто осведомляется Мистер Грейджиус. – Мне кажется очень странным, что вы имеете средства советоваться с докторами, но не имеете денег заплатить за лекарство».

«Бог с вами, сэр, лекарство-то, оно само и есть дохтур, а дохтур – лекарство. Дохтура мне ничего не стоят, а лекарство требует денег».

«Роза, милая моя, я не очень ясно понимаю аргумент этой доброй женщины, – обращается немного озадаченный опекун к питомице. – Быть может, необычайно “Угловатая Натура” моя помрачает немного мои умственные способности в эту минуту, но так как этому трудно помочь, то не возьмётесь ли вы порас[с]просить её пояснее?»

Роза только собирается исполнить его желание, как неожиданно¹⁵ прервана старухой, которая, полубормоча про себя, озадачивает их уже обоих на этот раз:

«Роза, Роза!.. Да, точно! Это ее имя... Не имеет ли оно иногда некоторого отношения к другому имени, мой добрый джентльмен, к имени Эдди, примером сказать? И не произносят ли иногда добрые люди имён Розы и Эдди вместе, моя хорошенькая Мисс?»

Внезапность этого вопроса в присоединении к грустному факту воспоминаний и обыкновенного душевного расстройства бедной Розы оказывается почти губительной для молодой девушки; страшно побледнев, она насилу удерживается от обморока и, тяжело повиснув на руке Мист[ера] Грейджиуса, оборачивает к нему бледное лицо с расширенными от ужаса глазами. Почтенный опекун не менее её поражен словами старухи, но справляется быстрее с своими нервами и, сердито обернувшись к нищей, хотя несколько угловато, но ясно выражает свое негодование.

«Ты-то что знаешь об Эдди, как ты называешь его, старая ведьма? Что всё это значит?.. Отвечай!»

Старуха, которая всё время зорко следила своими хитрыми кошачьими глазами за эффектом, произведенным ее словами на Розу, отвечает не тотчас и продолжает рассматривать её молча.

«Ответишь ли ты, колдунья, или нет?» – кричит «Угловатый».

«Не гневайтесь, мой добрый сэр, на бедную старуху, – наконец отвечает она. – Я *мало* еще что знаю и поэтому стараюсь по-своему разузнать *более*. Спросила я наобум, сдуру себе, а теперь-то и узнала наверняка, вы *антиресуетесь* этим именем. Да, к тому же, – прибавляет она, снова впадая в нищенское завыванье, – я друг этому Эдди, потому, значит, что он был милостивым к большой старухе и дал ей денег когда-то на лекарство, когда я попросила их у него, как прошу у вас таперича¹⁶».

Вероятно, что сильнейшее удивление выразилось бы на лице Мист[ера] Грейджиуса при этом новом известии, если бы только раз навсегда при рождении этого джентльмена лицо его не отказалось выражать что-либо такое. Он решительно не знал, на что решиться касательно нищей.

Первым движением его было бежать от нее как от обманщицы, но потом ему пришла в голову мысль, что, если он не узнает от нее теперь, до какой степени простиралось знакомство её с Эдвином Друдом¹⁷, то не узнает этого никогда, не зная ни её самой, ни адреса ее. Поэтому он решается не ссориться с нею и, быть может, получить от нее впоследствии какое-нибудь полезное сведение касательно таинственной Клоистергэмской Трагедии.

«Вы говорите, моя милая, что нуждаетесь в лекарстве и не можете купить его по бедности? – спрашивает он, переменяя тон и с той невинной хитростью, на которую способны даже¹⁸ «Угловатые Члены» Общества. – Роза, моя дорогая, дать ей денег, как вы думаете?.. – адресуясь к Розе; потом, обращаясь снова к старухе, прибавляет. – Только правда ли то, что вам надо купить лекарство на них; не джину ль скорее, моя добрая женщина?»

«Верьте слову, дорогой джентльмен: не для джину прошу я, так как в этом зелье никогда не нуждалась. Нет, я хочу купить только то, что служит для меня лекарством, что и хлеб, и мясо, и

¹⁵ Далее зачеркнуто: *была*.

¹⁶ таперича (*прост.*).

¹⁷ Далее зачеркнуто: *простиралось*.

¹⁸ Далее зачеркнуто: *и*.

всякое другое питье для меня, старухи. Опиуму, сэр, хочу я купить, вот оно что; и он-то, этот самый опиум и рассказывает мне то, чего бы я без него никогда не слыхала бы, и показывает такие вещи, что мне и не приснилось бы. Дайте мне только один шиллинг, джентльмен, и вы не станете каяться, что помогли старухе в нужде».

Мистер Грейджиус немного поражён, услышав¹⁹ название лекарства; но так как он решился уже в уме своём не останавливаться, то и вынимает просимую сумму денег из кармана, замечая:

«Лекарство странное и я сомневаюсь что-то в его пользе, но вам лучше знать, да, так лучше – знать самой, поэтому я дам вам эти деньги с одним условием: скажите мне ваше имя и где вы живёте».

«Бог с вами, миленький мой, этого мне невозможно сказать вам. И хотела бы, да не могу таперича еще. Вам оно не нужно, а мне может повредить; да только не бойтесь, и прошу вас, нисколько не сумлевайтесь насчет того, что скоро опять увидите старуху. А вы где живёте, ягнёночек?.. – продолжает она, обращаясь к Розе. – Не бойтесь меня; я не могла бы вам повредить, коли бы даже хотела, и не захотела бы того, коли и могла б. Где ваш дом, красоточка моя?»

Роза взглядывает на своего опекуна, как бы желая прочитать в глазах его, что ей следует делать, и молчит, но Мистер Грейджиус отвечает за неё:

«Я опекун этой молодой девицы, и если вы пожелаете видеться со мною, то приходите по этому адресу. Вот он, имя моё Грейджиус и всякий укажет вам квартиру мою в Стэпл-Инне. Вот и деньги, и надеюсь, что лекарство окажется полезным».

«Да благослови вас Бог, дорогие мои, – говорит старуха, рассыпаясь в излияниях благодарности. – Благодарю вас за милость вашу к бедной больной женщине; только уж довершите вы благодеяние свое и скажите мне всё имя, то есть имя и отчество барышни, и вы не будете каяться».

Не видя большого вреда в согласии на эту просьбу, Мист[ер] Грейджиус исполняет её желанье.

«Так, так, – бормочет про себя старуха и, несколько раз повторив имя как бы для того, чтобы лучше запомнить его, она прибавляет, обращаясь к Розе. – Я не забуду вас, моя барышня. Полагаю, что может и вы вспомните меня когда добром, кто знает? Роза Бёд, – повторяет она снова, размахивая по воздуху руками, как бы желая поймать улетающее от нее имя. – Так, так, мой ангелочек, вы и взаправду выглядываете как Розанчик молодой, и горько, очень горько, дитятко, видеть, как лютый мороз поцарапал уже ваш цвет. Ишь, какие вы беленькие да нежненькие; ничего, даст Бог, скоро выглянет опять солнышко красное да приголубит вас так, что опять зацветёте вы лучше прежнего. Просим прощенья, барышня, до свиданья, дорогой джентльмен!»

И с этими словами она уходит, прихрамывая, а наши друзья отправляются к Мистеру Грейджиусу.

Читатель узнал, конечно, в старой нищей Ее Величество Принцессу Курилку, которую судьба так странно свела с Розою и опекуном ее. Завернув за угол, она останавливается и бормочет про себя:

«Вот и вышло на мое; чуяло сердце вещее, что я встречу её, бедняжку; так-то она добра да красива, что просто грех великий разбить сердечко её. Но *он* – разобьёт его, однако же; так, мой спесивый джентльмен, так; большая у вас на то охота, как погляжу я на вас; только берегитесь – не попасть бы вам самому-то в ловушку, что готовит вам старая, которую вы и забыть забыли, да так, что и не узнаете более. А старая-то помехой окажется вам на второй раз...»

И, со страшной яростью погрозив кулаком в воздухе, она плетётся далее.

Мистер Фопперти, достаточно освежившись сном, восстает от оно, готовый на всевозможные подвиги, и, одевшись в свое новое платье, отправляется к Стэпл-Инну. По дороге его привлекает к себе приятный запах джина с водой, и он входит в кофейную, где и усаживается с видом праздного деревенского джентльмена у одного из столов, потребовав себе крепкий грог для окончательного подкрепления. Недолго наслаждается он им, однако же, так как не проходит и

---

¹⁹ Далее зачеркнуто: *имя*.

пяти минут, как кто-то слегка дотрагивается до плеча его;²⁰ обернувшись, он узнает желтое лицо и огненные глаза Джаспера.

«Черт побери меня! – восклицает Фопперти в виде дружеского приветствия, – если я думал встретить *вас* здесь! Хотите грогу?..»

«Благодарю, – отвечает Джаспер, – у меня по соседству есть одно дело и я должен спешить. Заметя вас у стола, я вошел на одну минуту только... Как идут ваши дела?.. Успели ли вы?.. Я так желал вас видеть...»

«Что-то уж было бы невероятно, когда бы²¹ я²² успел²³ всё сделать в два часа времени, – нетерпеливо отвечает Фопперти. – Нечего вам так спешить, сэр. Когда будет сделано, тогда и узнаете».

«Вы не видали еще Грейджиуса?» – осведомляется Джаспер, не обращая внимания на нетерпеливую выходку и садясь возле Фопперти.

«Нет, не видал. Я только что вышел, чтоб идти туда».

Кофейня²⁴ битком набита посетителями, и хотя разговор между Музыкальным Учителем и Фопперти происходит вполголоса, но какой-то близсидящий Господин, услышав имя Грейджиуса, видимо, начинает заинтересовываться разговаривающими. Незамеченный ими, он придвигает тихонько стул и углубляется в чтение газеты.

«Полагаю, – замечает Фопперти, – что это ни убавит и ни прибавит к установленной цене, если я выкопаю этого Ландлесса в один день либо в шесть? Довольно с вас и того будет, что найду его».

«Конечно, довольно; как я сказал вам прежде, дело не во времени, найдите вы мне его только в один ли час или в одну неделю и награда ваша».

Прислушивающийся джентльмен сделался еще внимательнее при имени Невиля Ландлесса и, делая вид, что старается приблизить газету к окну, незаметно придвигается еще ближе.

«Должно быть, вы того, порядком-таки²⁵ уверены в преступлении этого молодца либо уж сильно ненавидите его, не то вы не пошли бы искать его по всем углам», – замечает Фопперти.

«Я так уверен в том и имею в руках такое доказательство против него, что попадись он мне только и я заставлю его висеть на верёвке, издохнув собачьей смертью!» – бешено шепчет Джаспер с пенящимся яростью ртом.

Читающий джентльмен вздрагивает, но продолжает читать, не замечаемый собеседниками. Но дикая выходка Джаспера заставляет Фопперти напомнить ему о том, чтобы он был осторожнее.

«Я не боюсь никого, – отвечает Джаспер, – я не знаком никому из присутствующих и им нет дела до меня. Что касается Ландлесса, то кроме достаточной причины, которую я имею ненавидеть его за убийство моего дорогого мальчика, я имею еще другую цель, преследуя его до смерти одного из нас, травя, как дикого зверя, собаками. Он стал между мною и *тем*, до чего я добился, для чего жил целые годы. Да, – продолжал он с зловещим блеском в глазах, – и я добился бы того теперь, так как при жизни моего мальчика это было невозможно; но он умер... умер... И вот этот желтокожий демон становится, в свою очередь, между мной и... и отнимает у меня и это, как прежде отнял он жизнь у моего дорогого мальчика. Какая разница может быть между этими двумя проступками, жестокими, адскими проступками? Нэд умер от удара ножом в сердце, а я живу с обоими этими ударами в моей груди... Но, довольно, мне пора идти. Желая вам успеха, и будьте осторожны, Грейджиус хитёр и подозрителен, когда дело идёт о его питомице».

И он начинает надевать перчатки, собираясь уйдти. Незнакомец, который слышал каждое слово разговора, встает и, выйдя на улицу, идет быстрыми шагами к Стэпл-Инну. Минувя внутренний сквер, он подходит к *П.Ж.Т.*, взбирается по лестнице и, отворив дверь, прямо идёт к Мистеру Грейджиусу, которого и находит только что вернувшимся от Розы.

---

²⁰ Далее зачеркнуто: *и*.

²¹ Написано по слову: *я*; далее зачеркнуто: *мог*.

²² Написано по слову: *бы*.

²³ Написано по слову: *успеть*.

²⁴ Далее зачеркнуто: *была*.

²⁵ После слова «порядком» зачеркнуто: *то*.

«А, Мистер Тартар²⁶, сэ́р! Как поживаете? Но что это с вами, как будто вы чем-то встревожены? Не случилось ли чего наверху с нашими друзьями?» – спрашивает этот джентльмен, вставая с кресла.

Не отвечая на эти вопросы, смуглый Лейтенант хватается оторопевшего старика за руку и, привлекая к окну, просит взглянуть к направлению Фёрнивальской²⁷ Кофейни и сказать ему, не замечает ли он знакомого лица между выходящими посетителями. Мистер Грейджиус сперва не узнает никого, но через несколько секунд, быстро повернувшись к Мистеру Тартару, кивает многозначительно головой и снова устремляет взор на замеченную им в окне особу.

«Глаза мои немного ослабли с годами, – говорит он, – и зрение не так хорошо, как бывало прежде, но всё же оно не так еще плохо, чтобы не различить на этом расстоянии негодяя и не сознаться, хотя и с сожалением, что этот негодяй считается в числе моих хороших знакомых, тех в особенности, которых весьма может привлекать в это соседство что-нибудь сильно интересующее их. Мнение мое в этом деле следующее: поступать с удвоенною осторожностью и тщательно следить за этим джентльменом, столь одаренным Музыкальной Шишкой, если мы не желаем, чтобы он сам выследил нас».

И Мистер Грейджиус хладнокровно утирает нос платком, не выказывая ни малейшего волнения на деревянной физиономии, хотя целая буря сдержанного гнева и презрения клокочет в груди его при виде Джона Джаспера.

Так же спокойно, по-видимому, он приглашает Мистера Тартара объяснить причину его непонятного поведения. Молодой моряк, сильно сконфуженный при вступлении рассказа, когда ему приходится поневоле сознаться в нечестном подслушивании интимного разговора, передает, несмотря на то, все малейшие подробности слышанного, прибавляя, окончив, что, услышав произнесенное таким таинственным шепотом сперва его (Мист[ера] Грейджиуса) имя, а затем имя Ландлесса, он не мог утерпеть, чтобы не постараться услышать и остальное.

«Мистер Тартар, мой юный друг, – отвечает Грейджиус, – извиняться вам в этом не приходится, так как, по моему мнению, которое если подчас и угловато, то зато, осмелюсь сказать, безошибочно на этот раз, вы имели бы столько же причины извиняться в том, что спрятались в куст, следя за ядовитой змеей, с той целью, чтобы помешать ей укусить смертельно ближнего. Теперь будем продолжать...»

И, произнеся эти слова с таким видом, будто он читал страницу из «Натуральной Истории» под заглавием «Змеи», Мистер Грейджиус снова принимает деревянный вид.

«Я могу ошибаться, – продолжает Лейтенант, – но, по-моему, никогда не приходилось мне читать на лице ближнего так ясно и отчётливо чувства ненависти и убийства, как читал я их на лице этого человека в ту минуту, когда он говорил о Невиле Ландлессе».

«Мистер Тартар, сэ́р, – внезапно произносит Грейджиус. – Мне явилась идея и представился план, – Мистер Тартар кивает головой и Грейджиус продолжает. – Идея моя состоит в том, что, судя по всему слышанному вами, Музыкальный Феномен старается открыть убежище наших молодых друзей, что наверху; поэтому мы должны, прежде всего, помешать ему в этом. План же мой тот, что так как из этого не выйдет никакой пользы, а²⁸ напротив, может сделать их еще несчастнее, то лучше всего было бы даже не упоминать Невилю о том, что вы слышали».

«Согласен с вами совершенно, сэ́р, – отвечает молодой человек, – и добавлю, что лучше бы было, если бы Мисс Елена не видалась несколько дней с вашей питомицей, – продолжал он, слегка покраснев. – Если этот человек найдёт когда-либо адрес Ландлессов, то, вероятнее всего, через эти частые свиданья».

«Вы правы, молодой человек, совершенно правы. И я уже принял меры к этому», – говорит Мистер Грейджиус, радушно пожимая ему руку и провожая за двери, так как моряк уходит к себе.²⁹

---

²⁶ Англ. Tartar.

²⁷ Фернивалской (англ. Furnival).

²⁸ Написано по слову: *то*.

²⁹ Далее зачеркнуто: *И*.

Так кончилось это свиданье, Грейджиус бегая часа два после того по комнате и более обыкновенного поглаживая рукою по голове и по лицу сверху вниз, а Мистер Тартар тотчас же поднявшись на вершины своего воздушного сада и придумывая, как бы помочь соседям.

Несколько дней после этого разговора является из Клоистергэма Мистер Криспаркль, так как вошло совсем в привычку у этого мягкосердечного джентльмена еженедельно посещать брата и сестру и посидеть часок с достойным Грейджиусом.

Мистер Криспаркль является веселый и весь розовый от быстрой прогулки, которую он совершил пешком от самого вокзала железной дороги до Степл-Инна. Что-то привлекает непонятным образом красивого Минор-Канона в этот глухой сквер; и хотя ему было бы очень трудно анализировать в настоящую минуту свои чувства, но, несмотря на то, было более чем очевидно, что образ смуглой черноокой красавицы имел некоторое влияние на эти визиты в соседство *П.Ж.Т.*

Легко также предположить и то, что такое постоянно высказываемое тёплое участие к брату ее сделали сильное впечатление, в свою очередь, на Елену, и что если и она часто думала о Каноне, то это было лишь одно горячее чувство благодарности к их постоянному покровителю, который умел так деликатно предупреждать все их нужды и поддерживать обоих в горькие часы отчаяния и одиночества.

Но так как если этим обоюдным чувствам и суждено когда развиться и окрепнуть, но пока еще они только в начале цвета своего, то мы и перейдем к другим происшествиям.

После замечательного события своими вечера, проведенного Канон у Мист[ера] Дэтчери, Мистер Криспаркль не видался еще с Грейджиусом, и так как он более всего другого желал получить в этом деле мнение хладнокровного старого джентльмена, то он и отправился к нему, прежде чем навестить Ландлессов.

«Вы выглядываете словно³⁰ бежали, не останавливаясь, из Клоистергэма сюда пешком, – замечает Грейджиус, – и поэтому чувствуете себя, если позволите мне такое угловатое выраженье, дьявольски растрепанными».

И на Минор-Канона смотрят два светящиеся добродушием глаза, пока он утирает крупные капли пота.

«Как вам должно быть известно, я-таки порядочно быстрый ходок; а так как расстояние от вокзала сюда немалое, то вы и правы в том, что сказали. Я чертовски распарился, тем более что сегодня такой жаркий день. Ну, а как вы все поживаете в этом Сквэре? Ничего нового, надеюсь? Никаких открытий?»

«Тише, – отвечает Грейджиус, прикладывая палец к носу, как будто предупреждая Минор-Канона в чём-нибудь касающемся до этого органа обоняния. – Тише! Что вы называете открытиями?»

«То, что обыкновенно и все называют так же. Я говорю об открытиях насчёт известного дела, которое так долго мучило все умы и продолжает мучить, но тщетно».

«Ну, а что вы сказали бы, Преподобнейший, – медленно выговаривает Грейджиус, – если бы я объявил вам, что действительно сделал кое-какие открытия и что эти открытия угрожают тем, – указывая пальцем по направлению Волшебной Страны Душистого Горошка, – и также той», – указывая к городу и подразумевая, вероятно, этим жилище Розы.

«Осмелюсь ли попросить вас объяснитьсь пояснее», – восклицает встревоженный Минор-Канон.

«Можете, – лаконически отвечает Грейджиус. – Но не торопитесь так, время у нас довольно. Как поживает наш Местный Друг?» – внезапно осведомляется он, помолчав.

«Боюсь, что мы или не понимаем Джона Джаспера, или же допустили себя до страшного подозрения против невинного, – серьезно замечает Криспаркль. – Он находится в ужасном положении, и если к нему скоро не явится на выручку хоть какое-нибудь обстоятельство, которое, пролив свет на эту тайну, объяснит ему хоть немного, куда девался его племянник Друд, то я заранее предвижу страшный исход для нашего Регента».

---

³⁰ Далее зачеркнуто: *вы*.

И Мистер Криспаркль после небольшого колебания обстоятельно рассказывает все подробности вечера, проведенного им у Дэтчери.

Мистер Грейджиус, выслушав до конца внимательно, хотя, по обыкновению, ни один мускул на лице его не пошевелился, внезапно оборачивается, когда Канон замолчал в раздумье, и, стукнув изо всей силы кулаком по столу, восклицает:

«Будь он проклят!»

Кроткий Криспаркль, сильно вздрогнув при этой неожиданной выходке, с изумлением взглядывает на него.

«Как? – продолжает Грейджиус. – И этот негодяй всё еще осмеливается взваливать вину на того бедного мальчика и собирается вдобавок преследовать его?..»

«Кажется, что так. Кстати, – перерывает его Мистер Криспаркль, – я и забыл было рассказать вам еще кое-что, виденное мною, хотя любопытство моё было наказано под конец и я чуть не остался в дураках».

И затем он посвящает Грейджиуса в тайну виденного им у Джаспера через окно его.

«Иногда очень маленькие вещи оказываются очень тяжелыми, – замечает Мистер Грейджиус. – Мне сильно кажется, будто я начинаю открывать некоторое движение на доселе неподвижном океане наших розысков и радуюсь ему, так как этот прилив поможет нам, наконец, пристать в благодетельную и столь необходимую для нас всех гавань. Полагаю, – добавляет он после небольшого отдохновения, следовавшего за этой красноречивой метафорой в восточном вкусе, – полагаю, однако же, что наш Музыкальный Друг не объяснил вам в подробности эту сильную улику, которая должна будет погубить нашего другого молодого друга, там, наверху?»

«Нет, не объяснил, а только намекнул на то, что по поводу этой улики он собирается просить в другой раз арестовать Невилля. Я не желал тогда много входить в подробности с ним. Но мне кажется, что этот человек только тогда успокоится и поверит в невинность Невилля, когда найдены будут настоящие преступники. Дай-то Бог, чтобы это было только скорее, спокойствие многих и всех нас зависит, положительно, от одного этого открытия».

«Аминь! – закончил Грейджиус. – И верьте, что с моей стороны не много будет упущено в видах сего приятного события».

«Как вы думаете, Мистер Грейджиус, знает ли кто, кроме нас, адрес Невилля?»

«Не думаю, чтобы кто-нибудь знал этот адрес наверное, но сильно подозреваю, что могут скоро разузнать. Как вы полагаете, Преподобный сэр, часто ли наш Музыкальный Друг посещает Лондон?»

«Не думаю, чтобы часто, а иногда посещает».

«А что, если я скажу вам, что видал его здесь, в этом соседстве, дня два тому назад?»

«Здесь?.. Когда, великий Боже?..» – восклицает бедный Криспаркль в сильном страхе за своего любимца.

Мистер Грейджиус не торопясь и спокойно рассказывает ему о всём слышанном в кофейне Мистером Тартаром.

«Поймите, сэр, – заканчивает Грейджиус, – что я вполне уверен пока, что Джон Джаспер ничего не знает еще положительного о адресе Невилля; но я также уверен и в том, что он кончит-таки, что узнает наверное, а добьется он этого посредством человека, виденного вместе с ним в кофейне Мистером Тартаром, а мною на улице. Этот человек послан им сюда нарочно с этой целью, и если мы не примем самых действительных мер против него, то, как дважды два четыре, негодяй успеет в своём предприятии. Одно скажу вам наверное, что, по моему мнению, то, что вы видели своими глазами в комнате Джаспера, в соединении с различными маленькими подробностями, известными лично мне, подаёт мне большую надежду и именно в том, что в очень скором будущем вы измените ваши милосердные понятия об этом чудовище и узрите его теми же глазами, как и я, и почувствуете к нему то же, что я почувствовал к этой Мелодической Особе с самой первой минуты памятного для всех Рождественского события, а именно – непреодолимое искреннее отвращение».

И Мистер Грейджиус, лицо которого к изумлению Минор-Канона даже покраснело немного при последних энергических словах, сильно топаёт каблуком в пол и продолжает как бы давить что-то невидимое для всех, кроме его.

Мистер Криспаркль, объявив о своём намерении посещать Ландлессов со всевозможною предосторожностью впредь и обещав сильно следить за Джаспером, прощается и уходит.

Оставшись один, Грейджиус принимается ходить по комнате в сильной задумчивости, но через несколько минут, схватив шляпу, выбегает торопливо, оставив сумрачного Мистера Баззарда с открытым от изумленья ртом, так как еще в первый раз доводилось этому меланхолическому джентльмену замечать в своём принципале³¹ такую необыкновенную деятельность.

---

³¹ начальнике (*англ.* principal).